

22 ИЮЛ 1979

Уральский рабочий
Свердловск

Актеры и роли

Высокое небо Егора Полушкина

Эти заметки не претендуют на обобщение. Не имею я на него права. Две гастрольные встречи — это лишь две страницы в творчестве народного артиста РСФСР, лауреата Государственной премии РСФСР Николая Александровича Михеева.

НО ВОТ прошло уже столько времени, а я не могу забыть один эпизод из спектакля Куйбышевского академического театра драмы по пьесе Л. Леонова «Золотая карета». За столом трое: Мария Шелканова, Павел Александрович Непряхин — Н. Михеев и Дашенка, его жена. Скромное угощение, картошка «в мундире», столь золотая для нас в военные и послевоенные годы... И вот в разговоре, словно вдруг отключившись от него, Непряхин отсыпает гостье, жене и себе соли из солонки, стоящей на стеле. Надо видеть, как отсыпает, стараясь не проронить лишней кручинки, да еще чтобы всем поровну было. Глаз нельзя оторвать в этот момент от потемневшей, узловатой руки. Казалось бы, проходная деталь, лишь одна краска, но говорит она о времени войны не меньше, чем многие слова.

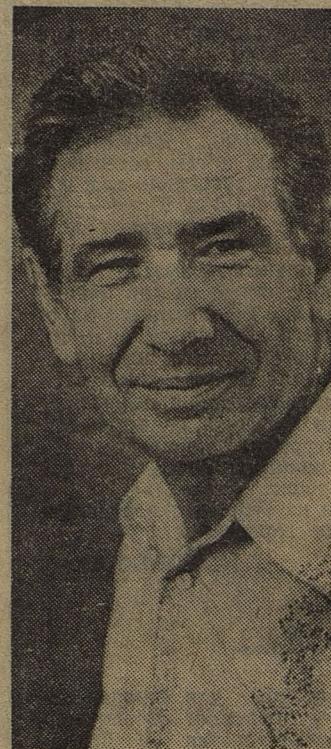
Сейчас немало спорят об актерском искусстве. В журнале «Театр», в газете «Советская культура» прошли большие дискуссии на эту тему. Высказывались мнения, что в чем-то потускнели в наши дни актерские дарования, «не потрясают», как прежде. Уж слишком деликатно, а значит и «тратит», современный актер на трех могучих китов: кино, телевидение и, ча-

сто потом уже, театр. Как в каждой дискуссии, высказывается много спорных точек зрения. Но как же хорошо, что есть актеры, театральные впечатления, столкнувшись с которыми, забывая все споры, а просто смотришь, размышишь, удивляясь, сопереживаешь.

Спектакль «Не стреляйте в белых лебедей» — удача куйбышевцев. Несмотря на кое-какие просчеты инсценировки повести Бориса Васильева: иллюстративность финала, определенную декларативность (спектакль идет в редакции театра), эта работа трогает публицистически-взволнованным обращением к зрительному залу, страстным, неравнодушным голосом, который подымает сна в имя всего живого, родной природы, Родины. Спектакль наших гостей (режиссер С. Надеждин) не обойден и актерскими удачами. Хороши в нем Харитина — В. Локтионова, Яков Прокопыч — народный артист РСФСР С. Пономарев. Но, вероятно, если бы не было в нем Егора Полушкина — Н. Михеева, не было бы спектакля. Он — его душа, его сердце.

В силу своей профессии я знаю, как работает театр над пьесой, актер — над новой ролью, и все-таки, как рождается образ, когда — это было и будет тайной театра, чудом талантливого актера.

Михеев не боится быть не-красивым, смешным. Вот

Егор пьяный, спирт сделал свое дело. Лежа на земле, как-то несущественно закидывая ногу, пытается возвращаться на мостик. А вот в одних тру сах, промерзший, трясущийся, вылезает из озера, где тщетно пытается найти утопленный мотор. Вот присел в уголке и что-то шепчет, шепчет про себя. Вернее, думает, размышишь. Этот Егор вообще все время мучительно думает, по-своему, полуушкински осознавая, истины, сущие.

Недаром потом милая учительница его сына Коляшки, Нонна Юрьевна, скажет, что для нее Егор больше интеллигент, чем многие другие. В спектакле масса деталей, черточек, которые заставляют верить в правду характера, в его жизненность. Но это не одно лишь точное бытописательство. Перед на ми театра и актер, владеющие самыми яркими, звонкими красками.

Финал первого акта. Закончилось очередное объяснение с Харитиной, и вот

уже Егор, этот «бедоносец» Егор, целует свою Харечку, целует ноги жены, женщины, матери, опускаясь перед ней на колени. Рискованная сцена! Была в ней опасность впасть в ненужную, столь инородную в подобном спектакле фальшивую красоту, если бы не вера режиссера в актеров, и дуэт Локтионовой и Михеева в этой сложной сцене душевно-тонок, прекрасен любовью, освещавшей их героев.

Кстати, об этом же даре — умении любить, вспоминаешь и в «Золотой карете», когда Непряхин говорит свое «ла-сточка», обращенное к молодой жене Дашенке.

И еще одну тему, мне кажется, очень важную, несет Егор Полушкин в спектакле. Тему веры в человека, в людей, даже если эти люди такие, как, скажем, шабашники Фили и Черепок, понимания, какая это беда для человека, если он не нашел во время своего единственного дела.

Честно говоря, в повести Бориса Васильева этот мотив казался чуточку слезливым, жалостливым, подчеркивающим чудаковатость Егора. В спектакле Михеев убеждает нас, что это та жалостливость, которая издавна в русском народе была синонимом понятия «добра». И говорит Егор об этом Кольке, как об очень выношенном, само собой разумеющемся. Несчастные-то они, эти самые Фили и Черепок, а счастливые — Егор с Колькой, потому что умеют чувствовать жизнь, умеют радоваться и мурашу, по земле пробегающему, и коряге интересной, и клекоту лебеди-ному, радоваться и защищать это свое, родное до корвиночек.

Михеев, видимо, не умеет играть впосыль. И дело, вероятно, не только в природном темпераменте, в высоком профессионализме, а в вызывающем глубокое уважение стремлении говорить с сегодняшним зрителем на уровне требовательной гражданской ответственности.

...Я шла по улице после спектакля «Не стреляйте в

белых лебедей», смешавшись с толпой нарядных зрителей, ехала в автобусе. Да, нечасто приходится быть свидетелем такого бурного, сиюминутного обсуждения увиденного — этого столь ценного продолжения жизни спектакля. Обсуждение даже не актерской игры, а проблем, поднятых в спектакле, их понятности и близости каждому.

Рассказала я потом об этом и Николаю Александровичу Михееву. И он удивился ...не очень.

Тридцать лет на сцене. Театры Саратова, Владивостока, Куйбышева. Образы в пьесах Горького, Островского, Достоевского, Шекспира, Леонова. Есть и объединяющее в этом ряду — он всегда играл характеры сильных, страстных людей.

Вот только два момента из нашей беседы, показавшие мне особенно интересными и в какой-то мере объясняющими многое в судьбе и творческом облике этого актера. О степени самоотдачи образу, которая и порождает в первую очередь дорогой контакт со зрителем:

— Не понимаю, — говорил Михеев, — как это можно жалеть себя на сцене. В искусстве тогда не надо работать!

Об образе Егора Полушкина, одной из своих последних работ:

— Вы, журналисты, всегда спрашиваете, хотим ли мы, актеры, сыграть своего современника. А мы всегда отвечаем, что да, конечно. Говорят даже, штамп таковой выработался. А это не штамп, это правда. Говорим так не ради вас, критиков, не ради красного словца. Современники наши не менее интересны, чем шекспировские герои. Ведь сколько пройдено, сколько пережито, подумайтесь... А? Вы согласны со мной?

А. ЛАПИНА.
На снимке: Н. А. МИХЕЕВ.
Фото Ю. Райдугина.